

Говард Филлипс Лавкрафт

Иные Боги

(The Other Gods)

На высочайших среди вершин земных гор обитают боги земли, и они не потерпят того, что кто-либо из людей станет утверждать, что видел их. Прежде они обитали не на столь высоких вершинах, однако люди равнины всегда будут преодолевать скалы и снега, загоняя богов на все более и более высокие горы, пока наконец не останется всего одна, самая последняя. Рассказывают, что, покидая свои прежние, старинные вершины, они забирали с собой все признаки своего пребывания и только однажды оставили вырезанные в камне очертания на горе, которую называли именем Нгранек.

Но теперь они перенесли себя в неведомый Кадат, расположенный в холодной пустоши, в которой не ступала нога человека, и сделались суровыми, не имея более горной вершины, на которую можно бежать от людей. Они сделались жесткими, и если прежде позволяли людям вытеснять себя, то теперь запрещают людям приходить, а пришедшим – уходить. И хорошо для людей, что они не ведают о Кадате и окружающей его холодной пустыне; иначе они по неблагоразумию своему попытались бы преодолеть ее.

Иногда, когда боги земли тоскуют по дому, посреди ночного покоя они посещают вершины, на которых некогда обитали, и тихонько плачут, пытаясь, как и прежде, играть на памятных склонах. Люди ощущали слезы богов на увенчанном белой шапкой Турае, хотя и думали, что идет дождь; а еще они слышали вздохи богов в жалобных ветрах над рассветными склонами Лериона. В облачных кораблях имеют обыкновение путешествовать боги, и мудрые крестьяне хранят легенды, которые запрещают им облачной ночью подниматься на иные вершины, ибо боги теперь не столь снисходительны, как в старину.

В Ултаре, что лежит за рекою Скай, некогда жил старик, с жадностью внимавший богам земли; человек, глубоко изучивший семь тайных книг земли и познавший Пнакотические манускрипты далекого мерзлого Ломара. Имя ему было Барзай Мудрый, и селяне рассказывают о том, как он поднялся на гору в ночь странного затмения.

Барзай знал о богах так много, что умел рассказывать об их деяниях и скитаниях; еще он разгадал столько их секретов, что люди считали его самого полубогом. Это он мудрым образом посоветовал магистратам Ултара принять тот знаменитый закон, запрещающий убийство кошек, это он впервые рассказал юному жрецу Аталу о том, куда ходят черные кошки в полночь Иванова дня. Барзай был человеком, обученным науке земных богов, и в душе его зародилось желание заглянуть в их лица. Полагая, что великие тайные знания о богах защитят его от их гнева, он решил взойти на высокую и скалистую вершину Хатег-Кла той ночью, когда на ней, как он знал, будут находиться боги.

Гора Хатег-Кла находится в далекой каменной пустыне за Хатегом, от которого получила свое имя, и возвышается над ней, как каменная статуя над безмолвным храмом. Вокруг вершины ее всегда скорбно играют туманы, ибо в них заключена память

богов, которые любили Хатег-Кла, когда жили на ней в стародавние времена. Часто боги земли посещают Хатег-Кла в своих сотканых из облаков кораблях, и, отбрасывая блеклые тени испарений на ее памятные им склоны, пляшут под ясной луной. Жители селения Хатег говорят, что подниматься на Хатег-Кла худо в любое время, но смертельно опасно подниматься на эту гору ночью, когда бледные туманы окутывают и луну, и вершину; однако Барзай и не думал прислушиваться к их словам, когда явился из соседнего Ултара с юным жрецом Аталом, который был его учеником. Атал являлся единственным сыном содержателя постоянного двора, и потому иногда пугался; однако отец Барзая был ландграфом, обитавшим в старинном замке, поэтому суеверия простолюдинов не запали в его кровь, и он только смеялся, внимая трусливым селянам.

Вопреки мольбам крестьян Атал и Барзай вышли из Хатеха в каменную пустыню, и возле ночных костров беседовали о старых богах. Много дней шли они и наконец издали узрели высокую Хатег-Кла в сиянии скорбного тумана. На тринадцатый день пути подошли они к подножию одинокой горы, и Атал признался в своих страхах. Но старый и опытный Барзай не испытывал страха, и потому первым отправился вверх по склону, по которому не ступали человеческие ноги со времени Сансу, о котором с таким страхом писано в заплесневелых Пнакотических манускриптах.

Путь их пролегал по голому камню, и пропасти, утесы и камнепады лишь добавляли ему опасности. Выше сделалось холодно и появился снег; так что Барзай и Атал часто оскальзывались и падали, опираясь на посохи и прорубая путь топорами. Наконец воздух сделался жидким, небо переменяло цвет и восходителям стало трудно дышать; однако они все продвигались вверх и вверх, дивясь непривычным окрестностям и восторгаясь мысленно тем, что случится на вершине, когда взойдет луна, сея вокруг бледные испарения. Три дня они поднимались все выше и выше, приближаясь к крыше мира, а затем стали лагерем, дожидаясь ночи, когда затмится луна.

Четыре ночи не было никаких облаков, и холодная луна сквозь тонкий утренний туман светила на безмолвный пик. Затем, на пятую ночь, бывшую ночью полнолуния, Барзай увидел на севере плотные облака и сел рядом с Аталом, чтобы понаблюдать за их приближением. Тяжелые и величественные, плыли они вперед медленно и целеустремленно; остановившись вокруг вершины высоко над наблюдателями и сокрыв от их взоров и луну, и вершину. Долгий час оба взирали по сторонам, а вокруг кружили туманы, и облачный покров делался все более и более беспокойным. Умудренный в науках земных богов Барзай старательно вслушивался, ожидая услышать определенные звуки, однако Атал ощущал хлад испарений и наполнявший ночь трепет, и потому много страшился. И когда Барзай продолжил подъем и начал манить его за собой, не скоро последовал за ним Атал.

Так сгустились пары, что сделался трудным путь, и хотя Атал наконец тронулся с места, трудно было ему усмотреть серый силуэт Барзая на темном склоне под закрытой туманом луной. Барзай зашел далеко вперед, и, невзирая на возраст, поднимался быстрее Атала, не страшась крутизны, начинавшей делаться слишком большой для не слишком сильного и опасливого человека, и не замирая перед широкими черными трещинами, через которые едва мог перепрыгнуть Атал. Так вот шли они через скалы и пропасти, оскальзываясь и оступаясь, а иногда испытывая трепет перед простором и жутким безмолвием серых ледяных громад и немых гранитных круч.

И вдруг внезапно Барзай исчез из глаз Атала, поднявшись на жуткий утес, как бы выпиравший наружу и перекрывавший путь для того, кто не был вдохновлен земными богами. Атал находился далеко внизу, размышляя над тем, что будет делать, когда достигнет этого места, и тут он с любопытством отметил, что свет сделался ярче, словно бы безоблачная вершина и озаренное луной место сходов богов были уже совсем рядом. И, карабкаясь к выступающему утесу и озарившемуся небу, он ощущал страх, куда более жуткий, чем известный ему прежде. А потом, с вышины, из тумана донесся голос Барзая, переполненный безумным восторгом:

– Я слышал богов. Я слышал, как земные боги поют, блаженствуя на Хатег-Кла! Ведомы голоса земных богов Барзаю-Пророку! Разрешились туманы, ясна луна, и я узрю богов в бурной пляске, на любимой ими с юности Хатег-Кла. Мудрость Барзая сделала его более великим, чем боги земли, и нет преграды и заклинания, способных устоять против его воли; Барзай увидит богов, гордых богов, тайных богов, с пренебрежением отвергающих вид человека!

Атал не мог услышать голоса, которым внимал Барзай, но теперь он был уже у самого выступающего утеса и искал взглядом на нем опоры для ног и рук. И тут он услышал, что голос Барзая сделался пронзительнее и громче:

– Почти рассеялся туман, и луна бросает тени на склон; громки и бурны голоса богов земли, и страшатся они прихода Барзая Премудрого, который больше любого из них... Мерцает свет луны, значит, затмевают его силуэты пляшущих богов; и я увижу их, прыгающих и воющих в лунном свете... тускнеет он, и боги испуганы...

Пока Барзай выкрикивал все это, Атал ощутил призрачную перемену в воздухе, словно бы законы земли склонились перед более великим законом; ибо хотя подъем становился круче, чем когда-либо прежде, уводившая наверх тропа сделалась пугающе легкой, и выпирающий утес оказался сущим пустяком под ногами, когда он добрался до него и скользнул вверх по его опасной выпуклой поверхности. Свет луны странным образом померк, и, рванувшись наверх в тумане, Атал услышал голос Барзая Премудрого, вопившего из теней:

– Луна темна, и боги пляшут в ночи; ужас воцарился в небе, ибо нашло на луну затмение, не предсказанное в книгах людей или земных богов... неведомая магия пришла на Хатег-Кла, ибо причитания испуганных богов превратились в смех, и ледяной склон бесконечно простирается в черное небо, в которое иду я... Хей! Хей! Наконец-то! В тусклом свете зрю я богов земли!

И тут Атал, скользивший как потерянный вверх по непостижимым ступеням, услышал доносящийся из тьмы омерзительный хохот, к которому примешивался крик, какого не услышать человеку, кроме как во Флегетоне несказанных кошмаров; крик, в котором звучал ужас и боль прожитой в преследовании жизни, сжатой в один страшный миг:

– Другие боги! Другие боги! Боги внешних преисподних, охраняющие слабых богов земли!.. Отвернись... Возвращайся... Не смотри! Не смотри! Отмщение бесконечных бездн... Эта осужденная, эта проклятая яма... Милостивые боги земли, я падаю в небо!

И когда Атал зажмурил глаза, заткнул уши и попытался соскочить вниз, вопреки жуткому тяготению неведомых высот, над Хатег-Кла прокатился страшный удар грома, пробудивший добрых крестьян равнин и честных магистратов Хатега, Нира и Ултара и заставивший их сквозь облачный полог зреть то странное затмение луны, которое не было предсказано ни в одной книге. А когда луна выглянула снова, Атал уже находился в безопасности у конца снежной шапки горы, вдали от богов – земных или других.

В тронутых тлением Пнакотических манускриптах рассказывается, что Сансу, поднявшийся на Хатег-Кла во дни юности мира, не обрел там ничего, кроме бессловесного льда и камня. И все же, когда люди Ултара, Нира и Хатега, преодолев страхи, днем одолели эту зачарованную кручу в поисках Барзая Премудрого, на голой вершине горы они обнаружили любопытный циклопический символ шириной в пять десятков локтей, словно бы гигантской стамеской врезанный в камень. И знак этот был подобен тому, которые ученые люди различили на тех страшных листах Пнакотических манускриптов, которые были слишком древними для прочтения. Это выяснили они.

Барзая Премудрого так и не нашли, а святого жреца Атала ни разу не смогли уговорить помолиться об упокоении его души. Более того, люди Ултара, Нира и Хатега по сю пору боятся затмений и молятся по ночам – когда бледные туманы укутывают вершину горы и луну. А над туманами Хатег-Кла, подчас вспоминая, танцуют боги; ибо они уверены в своей безопасности и любят приплывать сюда из неведомого Кадата на облачных кораблях, и играют, как в прежние времена, как было, когда земля была совсем нова и люди еще не любили взбираться к недоступным вершинам.

Перевод: Юрий Соколов

2012 год